
«Отрицательные стороны прежнего институтского воспитания с культивированным пренебрежением ко всякому черному труду»

**К истории эвакуации Оренбургского Войскового
женского Института из Оренбурга в Троицк
в январе — марте 1919 года. Отчет из фондов
штаба Оренбургского военного округа**

Вступительная статья и публикация А. В. Ганина

Институтки и революция

Старой русской интеллигенции в годы революции и гражданской войны пришлось очень непросто. Многие ее представители, с легкостью рассуждавшие о судьбах страны, были при этом не способны или даже считали ниже своего достоинства обеспечить себе элементарные условия существования и выживания в чрезвычайных условиях, в обстановке разрухи, безвластия и вседозволенности, не говоря уже о заботе об окружающих. Прежде всего именно об этом ярко и обстоятельно свидетельствует публикуемый отчет об эвакуации Оренбургского войскового женского института в январе — марте 1919 года из Оренбурга по южно-уральскому бездорожью в уездный Троицк.

Эвакуация проводилась в связи с наступлением на Оренбург красных, террора которых боялись как преподаватели, так и ученицы. Показательно, что местное население отнюдь не стремилось бескорыстно помогать беспомощным эвакуировавшимся институткам, не привыкшим к лишениям, чуравшимся черной работы и в обычное время во всем полагавшимся на горничных, а, наоборот, пользовалось их тяжелым положением в целях личного обогащения. После этого наивно было бы отрицать наличие острейших социальных противоречий в стране накануне и во время революции.

Думается, публикуемый отчет не оставит никого из читателей равнодушными. Наверняка найдутся те, кто проникнется жалостью к его

героиням-«белоручкам», а кто-то, вполне естественно, испытывает отвращение к их черствости и эгоизму. Как бы то ни было, перед нами яркая картина поведения людей в катастрофических условиях гражданской войны.

Документ датируется периодом весны — лета 1919 года. Он написан каллиграфическим почерком, чернилами на нескольких листах большого формата. Автор отчета неизвестен, но судя по содержанию, им был директор института. Документ обнаружен в фонде штаба Оренбургского военного округа Государственного архива Оренбургской области среди материалов о состоянии народного образования в Оренбургском казачьем войске (Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 108. Л. 19–25(об.)) и публикуется впервые.

Эвакуация Оренбургского Войскового женского Института из г.[орода] Оренбург в г.[ород] Троицк

Оренбургский Войсковой женский Институт, получив вечером 20 января нов[ого] ст[иля] 1919 г.[ода], приказание о выезде из г.[орода] Оренбурга, начал в ночь на 21 января спешно готовиться в путь. Уложено было самое необходимое имущество и заготовлена провизия на два дня. К сожалению, не было ни полушубков, ни валенных сапог, почему пришлось ограничиться теплыми шапками и валенными чулками, что при крещенских морозах было более чем рискованно.

Когда пришло время отправляться на вокзал, обещанных подвод для погрузки институтского имущества и перевозки воспитанниц не оказалось, а только благодаря любезности какого-то неизвестного юнкера, приславшего из Форштадта¹ пять подвод, удалось, при содействии институтских лошадей, перевезти на вокзал все необходимое. Воспитанницы в своих валенных чулках кое-как дошли до вокзала пешком.

Погрузка и посадка в вагоны-теплушки произошла с величайшими затруднениями из-за недостатка рабочих рук. Самые вагоны-теплушки были непригодны для зимней езды. В одном нары были, но печь оказалась без трубы, в другом была труба, но не было ни печи, ни нар. Пришлось все приспособлять на скорую руку, в чем оказали содействие находившиеся на станции казаки. Наиболее, сравнительно, удобно разместились, конечно, старшие классы и менее удобно — младшие.

Путь по железной дороге, длившийся вместо 14 часов целых 5 суток, изобиловал, как полагается, многими приключениями, главным образом, на почве опасения большевиков, а также добычи топлива для вагонов и пищевого довольствия. Тяжелые минуты пережили воспитанницы, когда рано утром, под Саракташем, увидели вдаль за [рекой. — А. Г.] Сакмарой цепь, как им казалось, наступающих большевиков и в то же время группы отступающих воинских частей. Поездная публика, бросившаяся бежать

вдоль пути, вполне содействовала этой панике. А поезд, между тем, постоянно останавливался — то за недостатком воды, то за недостатком топлива, и, как казалось, машинист поезда имел на уме какой-то злой умысел, особенно когда он среди поля заморозил свой локомотив.

Дело с отоплением вагонов-теплушек обстояло немногим лучше. Чтобы не замерзнуть в вагонах, необходимо было установить ночную очередь для поддержания огня в железных печах, что в первые два дня удавалось довольно благополучно, благодаря захваченному со ст[анции] Оренбург небольшому запасу каменного угля. Но когда уголь вышел, довелось, за отсутствием дров, заняться контрабандной добычей топлива по дороге, воруя всякий лесной материал, чем занялись в вагонах со старшими сами воспитанницы и классные дамы, а в вагонах с мелкотой — мальчик-кадет и швейцар Никита.

Последний за все время дороги обратился в своем вагоне в бессменно-го кочегара и нес свои обязанности почти без сна, с неизменным усердием и добродушием. Когда поезд едва было не очутился под обстрелом, когда он «замерз» и остановился в поле, обгоняемый отступающими воинскими частями, швейцар Никита, ввиду поднявшейся паники среди воспитанниц, успокаивал их юмористическими рассказами и песнями, чем всегда добивался весьма удовлетворительных результатов.

Но все-таки и при ночном дежурстве для поддержания тепла некоторые воспитанницы примерзали к стенкам вагона, и их утром приходилось освобождать от невольной спайки с вагоном в ущерб их верхнему одеянию. В общем же, все обходилось вполне благополучно.

Добывание пищи в течение пяти суток езды происходило с большим трудом и только на станциях Дубиновке и Бляве удалось накормить воспитанниц надлежащим образом.

На ст[анцию] Сары² Институт прибыл к вечеру 25го января. Здесь он 26 января был пересажён из теплушек в классные вагоны 3го класса и устроился было довольно удобно, но дня через три был, по какой-то причине, переведен в вагон 4го класса, где и разместился с очень большой теснотой и неудобством. В Сарах Институт пробыл 7 дней в ожидании отпуска лошадей для дальнейшего следования на этапный пункт Мустафино. За это время был получен из г.[орода] Орска груз с валенными сапогами и варежки, чем и была обеспечена сравнительная возможность дальнейшего пути по зимней дороге до ст[анции] Полтавки³.

Ввиду недостаточности этапного питания на ст[анции] Сары (около полукружки супа на человека в день) с первого же дня пребывания на ст[анции] Сары пришлось позаботиться о добавочном питании воспитанниц. Для этой цели была закуплена в соседних поселках провизия и приступлено было к изготовлению пищи собственными средствами в кухне вагона-ресторана, оказавшейся свободной. За отсутствием прислуги на-

чальница и Директор превратились в поваров, швейцар Никита в кухарку за повара, а эконо́м Института и Директор Оренбургской Войсковой гимназии приняли на себя обязанности таскать снег для кипячения воды, добывать дрова для топлива и разносить пищу по вагонам. Дым, чад и угар, наполнявшие кухню из-за попорченной плиты, необходимость постоянного пополнения запасов снега, а также тягостное пребывание на кухне в течение целого дня побудили доморощенных поваров обратиться за помощью к некоторым классным дамам и воспитанницам, но оказалось, что одна из классных дам умеет готовить один лишь кофе, другая не выносит кухонного чада, опара и запаха, третья умеет готовить лишь беляши, котлеты и сдобные пирожки и пр.[очее]. Приходила однажды помогать чистить картофель и готовить суп одна из учительниц пригготовительного класса... и только. Из воспитанниц отозвались на приглашение помочь на кухне лишь две, которые один день и помогали усердно в приготовлении пищи. Остальные или отшучивались, или, изъясняя готовность помочь, совершенно не приходили, или, делая гримасу неудовольствия, молча уходили из кухни с видом оскорбленной королевы.

Вообще семидневное пребывание в Сарах и постоянное соприкосновение с воспитанницами и воспитательским персоналом впервые обнаружало Директору, как новому для института человеку, отрицательные стороны прежнего институтского воспитания с культивированным пренебрежением ко всякому черному труду и необходимости преобразования воспитательной части в сторону практической приспособленности к жизни, согласно требованиям переживаемого времени. Неряшливость девиц, оставшихся без горничных, непорядок в костюме, легко устранимый при помощи иголки и нитки, постоянные вопросы: «А когда нам принесут умыться» или «А когда нам подадут чай», — все это заставляло сильно опасаться за благополучное продвижение по этапным пунктам. Лишь постоянные разъяснения и настойчивые указания, что прислуги с институтом нет, что все заботы об умывании, о кипятке для чая и пр[очем] должны взять на себя сами воспитанницы, мало-помалу улучшили положение дела и заставили многих воспитанниц трезво, хотя и не без ропота, взглянуть на неожиданно создавшееся положение. Дальнейший путь от ст[анции] Сары по этапам еще более приблизил воспитанниц к новой и неприглядной действительности, заставив большинство из них обходиться своими собственными силами, не надеясь на постороннюю помощь, почему следует думать, что воспринятая ими во время дороги наука жизни не останется для них бесследной, напротив, сослужит им в будущем немалую службу. И только лишь самая незначительная часть из них осталась, по-видимому, с прежним презрением к черному труду или, по крайней мере, с прежней склонностью пользоваться чужими услугами при полной возможности обойтись и без них. Зато большинство

за время дороги научилось стирать белье, мыть полы, чистить и чинить одежду, готовить несложные кушанья и пр[очее], делая все это по собственному почину, а не по принуждению.

Ввиду предстоявшего длинного путешествия на лошадях, отсутствия служительского персонала и полной беспомощности воспитанниц, привыкших к постоянному за собой уходу, было испрошено у Начальника железнодорожной милиции разрешение откомандировать с Институтом на все время пути старшего милиционера, вахмистра Назина, который и оказал Институту во время дороги, можно сказать, неоценимые услуги своей расторопностью, заботливостью и неиссякаемой энергией. В то же время он приобрел общую любовь и уважение, как со стороны воспитанниц, так и [со стороны. — А. Г.] служебного персонала Института, своим всегда корректным поведением, выдержанностью и, в то же время, веселым нравом, умягчавшим расшатанные нервы невольных путешественниц.

После недельного пребывания в Сарах пришла, наконец, очередь ехать на лошадях и Институту. Воспитанницы ожидали этой поездки с нетерпением, наивно предполагая в ней одно сплошное удовольствие. Часов около 8 утра было подано 55 подвод, из которых удалось захватить только 49, так как одна из классных дам, невзирая на ясно сделанные распоряжения дожидаться полной погрузки возов, тронулась в путь, а за ней двинулся и весь обоз, нарушив план отъезда. Произошло полное замешательство. Остались на станции только начальница, директор и эконом, подбиравшие за воспитанницами разбросанное в вагонах и около последних институтское добро. Наконец удалось выехать и указанным лицам, но на первых же пяти верстах сразу сказался недостаток подвод, так как одна из подвод совершенно остановилась за полным бессилием лошади, а весь остальной обоз был уже далеко впереди. Директору с экономом пришлось потратить целый день, чтобы кое-как найти платную подводу в одной из соседних деревень и поздней ночью добраться до первого этапа Мустафино. Но оказалось, что на этапном пункте свободных помещений нет, почему Институт разместился в пос[елке] Ново-Харьковском. Таким образом, первый день этапного следования оказался довольно неудачным, что не обещало сладостей пути в будущем.

В пос[елке] Ново-Харьковском пришлось пробыть в ожидании лошадей целых 3 дня. Все воспитанницы были размещены по квартирам в числе от 4 до 10 человек в каждой. Провизия, часть которой получалась с этапного пункта Мустафино, раздавалась на руки воспитанницам и готовилась в каждом доме отдельно. К сожалению, вареное мясо, заготовленное еще на ст[анции] Сары, а также сахар (1 п[уд] 8 ф[унтов]⁴⁾, мука, топленое и соленое сало случайно попали на квартиру одной из классных дам, которая самовольно вступила в обязанности эконома и израсходовала провизию

по своему усмотрению, отказавшись выдать ее эконому. Когда же на следующем этапном пункте, по случаю заявления некоторых воспитанниц, о неполучении ими сахара, Директору пришлось выяснять правильность расходования продуктов, эта классная дама сочла себя оскорбленной и наговорила ему дерзостей. А так как эта классная дама на следующий день грубо оскорбила сопровождавшего Институт милиционера Назина, чем доказала полную свою невоспитанность, резко проявляемую ею и раньше, о действиях ее пришлось составить соответствующий протокол, для направления его, в случае надобности, по инстанции. К счастью, эта классная дама, по приезде в Троицк, сама догадалась избавить институт от своего нежелательного присутствия, перейдя на другую службу. Было бы весьма полезно для дела, если бы и еще кое-кто из классных дам обнаружил подобную же догадливость.

Питание в пос[елке] Ново-Харьковском, как и на последующих пунктах, производилось крайне неравномерно, так как только две из классных дам приняли на себя полную заботу по наблюдению за питанием воспитанниц⁵, а остальные посещали своих воспитанниц на их квартирах только по требованию начальницы, на которую выпал самый тяжелый и хлопотливый труд в течение всего пути. Выдачей провизии заведовал институтский эконо, весь день которого проходил в отмеривании, отвешивании и раздаче продуктов. Попытки установить определенные часы для раздачи продуктов не привели ни к каким положительным результатам, равно как ничего не вышло и из попытки выдавать провизию через классных дам, ввиду забот некоторых из них больше о себе, чем о воспитанницах.

Отъезд из пос[елка] Ново-Харьковского в пос[елок] Таналыцкий состоялся 5 февраля на 40 подводах местных обывателей с добавлением 15 подвод с этапного пункта Мустафино. В пос[елке] Таналыке Институту пришлось засесть на целых две недели за полным отсутствием этапных подвод. Как раз в это время началось передвижение на пос[елок] Колпацкий воинских частей и мобилизованных казаков, чем этапный комендант и мотивировал все свои отказы в подводах. Наконец, необходимость заставила решиться на дальнейшую отправку воспитанниц по частям, партиями, что и было с 15го февраля выполнено в течение шести дней, причем последняя партия отправилась в поселок Орловский 20 февраля.

Пос[елок] Таналыцкий оставил по себе неизгладимое впечатление у всех, имевших несчастье там останавливаться. Непомерные цены, установленные поселковым сходом во время нахождения здесь Института, свидетельствовали о весьма крупных аппетитах местных граждан. Плата по одному рублю с человека за самовар (за кипяток) и столько же за варку пищи обращали таналыкское гостеприимство в деяние очень нелестное по названию. За то, что воспитанницы пили два раза чай и

однажды ели горячее, хотя бы приготовленное своими трудами, приходилось уплачивать, смотря по числу квартирантов (от 4 до 15 человек), от 12 до 45 рублей в сутки, не считая непомерной платы за припасы, которые приходилось прикупать ввиду недостаточного отпуска провизии с этапного пункта. Так, например, за крынку молока от 1 р[убля] до 2 р[ублей], за 1 ф[унт] хлеба⁶ от 1 р[убля] 50 коп. до 3 рублей и т. д. Особенно непримиримую позицию по отношению к Институту и его воспитанницам с первого же дня приезда Института в Таналык занял поселковый атаман, под влиянием которого, как думается, некоторые таналыкские жители обнаружили нескрываемое враждебное отношение к воспитанницам. Так напр[имер], этот атаман брал на себя смелость отменять распоряжения этапного коменданта и по каким-то, ему одному известным соображениям, сгонял с занятых удобных квартир воспитанниц, отводя квартиры неудобные. По его же распоряжению, или, вернее, совету, было учинено 15 февраля проходившим эшелонам казаков дикое самоуправство, стоившее многим воспитанницам горьких слез, вызванных тяжкой обидой или испугом. На указанное 15 февраля было назначено Институту комендантом этапа 45 подвод. Часов около 8 утра, когда все уже подводы были нагружены вещами, и воспитанницы по своим дворам рассаживались на подводы, думая тронуться в путь, по Таналыку рассыпались партии проезжающих казаков, стали грубо сгонять с подвод воспитанниц, сбрасывать их багаж или, попросту опрокидывать сани, забирали освободившиеся подводы и немедленно уезжали. Только около 20 подвод удалось отстоять от неожиданного нападения станичников и отправить их на следующий этап, в пос[елок] Орловский. В объяснение своего самоуправления станичники, отбиравшие подводы, ссылались на распоряжение поселкового атамана.

При отъезде из Таналыка эконому, расплачивавшемуся за постой воспитанниц, предъявлены были некоторыми хозяйками такие счета или требования, которые поражали своей несоразмерностью. Так, напр[имер], за нечаянно разбитую глиняную тарелку, стоившую раньше в лучшем случае 10 коп., пришлось заплатить (за счет воспитанницы) 10 руб., за желтое пятно, сделанное на старой клеенке неосторожно поставленным горячим горшком, уплачено 60 рублей. Когда эконому, уплатив деньги, хотел оставить клеенку (2 арш[ина] длины⁷, по прежним ценам 1 р[убль] 25 коп. — 1 р[убль] 50 коп. за арш[ин]) в пользу Института, станичница (Александра Токмачева) без всякого стыда и совести резко потребовала за клеенку 800 рублей.

В пос[елке] Орловском квартир для размещения Института не оказалось, почему пришлось выехать в пос[елок] Зубочистенский, где станичники татары оказались не лучше таналыкских и, прослышав о таналыкских ценах, уже как бы на законном основании требовали за все

втридорога. Поэтому каждая невольная остановка по этапам на несколько дней, происходившая по причинам, от Института не зависящим, стоила ему громадных денег.

Пробыв в пос[елке] Ново-Зубочистенском, при всех тяжелых условиях, около недели и не видя никакой возможности оттуда выбраться для дальнейшего следования, администрация Института решила во что бы то ни стало снова переехать в пос[елок] Орловский и там ждать у моря погоды. Кое-как добравшись по частям до поселка Орловского в течение двух дней (частью на лошадях, а большей частью пешком) и с величайшим трудом и неудобствами разместившись в немногих квартирах, Институт стал было ожидать своей очереди. Ждать пришлось недолго. Последними приехавшие из Зубочистенки, 25 февраля к вечеру, Директор с экономом, задержавшиеся там для расплаты с квартирохозяевами, застали в Орловке уже большой костер от сжигаемого казенного имущества. Нужно было во что бы то ни стало спешить с отъездом, а между тем этапных подвод не было. Положение становилось критическим. Однако выход, хотя и очень неудобный и рискованный, нашелся, благодаря любезности начальника воинских транспортов (4 казачьей дивизии и полков, кажется, 32 и 19)⁸, разместивших в свои обозы по одной воспитаннице на подводу.

Отъезд первой партии, человек около 20 воспитанниц, состоялся 20 февраля около 9 часов вечера, а все остальные должны были выехать утром 26 февраля. Около часу ночи сделалось известием, что отъезд назначен в 3 часа ночи, почему пришлось спешно при полной темноте занимать нагруженные воинским имуществом подводы. Кто сел на тюки с подковами, кто на сахар, кто на седла, и проч[ее]. Думать об удобствах было некогда, а усаживать воспитанниц было некому. Каждый садился по своему выбору и усмотрению и только лишь некоторые классные дамы и начальница пытались усадить кое-кого более или менее по-человечески, что не всегда удавалось. Гораздо труднее было в темноте пересчитать количество садившихся, чтобы случайно кого-либо не забыть и не оставить. Все тюки, принадлежащие старшим воспитанницам, были свалены в большую груду на улице и остались бы в Орловке, если бы Директору с экономом не удалось рассовать их по разным подводам: так как только немногие из воспитанниц захватили с собой свое имущество. К величайшему сожалению не удалось вывезти весьма ценное институтское имущество (количеством приблизительно на 4 подводы), сложенные в кладовой местной казачки Кораблевой. Здесь осталось в больших тюках все верхнее (осеннее и летнее) платье воспитанниц, белье, прюнелевая обувь, будничные платья, куль с валенными сапогами, большой медный (котел) куб, ведра, мука, крупа, сало, мясо и пр[очее]. Чтобы спасти что-нибудь из оставленного имущества, Директор, часа в 3 ночи, отправился к этапному коменданту пос[елка] Орловского и сделал, за отсутствием или

отъездом коменданта, его помощнику письменное заявление об оставшемся имуществе с просьбой принять меры к вывозу его из пос[елка] Орловского. Что было предпринято комендантом по поводу указанного заявления (помеченного 25м февраля) и предпринято ли, осталось неизвестным. Не оказались более действительными и заявления, делаемые на следующих этапных пунктах, а также поручение, данное начальницей в пос[елке] Бrienском казаку Комунарской станицы Ивану Цыбину, отвозившему на нескольких подводах в пос[елок] Орловский ружейные патроны.

Наконец, обоз двинулся и, невзирая на крайне тяжелый и далекий переезд по испорченной артиллерийским транспортом дороге, благополучно прибыл около двух часов дня в пос[елок] Бrienский. Когда Директору, запоздавшему выехать вместе с обозом, удалось добраться в 4 часу дня до пос[елка] Бrienского, воспитанницы уже отдохнули от пережитых волнений и трудностей пути и партиями прогуливались по поселку.

После двухдневного отдыха в пос[елке] Бrienском дальнейший путь до самой Полтавки был произведен на двух купленных лошадях, а также на постоянных подводах, предоставленных Институту одним из начальников транспортов за 10 рублевую посуточную плату с парной подводы. Этот путь с обычными остановками по этапам мог бы считаться до самой Полтавки вполне благополучным, если бы 6 воспитанниц 3го класса не уехали ошибочно вместо попутного поселка Аландского в ст[аницу] Кваркенскую. Из-за такой ошибки, доставившей Институту массу беспокойства и хлопот, указанные воспитанницы запоздали приездом, вследствие болезни одной из них и отсутствия подвод, на целую неделю, и присоединились к Институту уже только в Троицке 15 февраля⁹.

В ожидании опоздавших шести воспитанниц Институт пробыв в пос[елке] Картале (Полтавке) трое суток. Здесь за все время пути Институту в первый раз удалось встретить полное внимания и заботливости отношение к нему со стороны этапного коменданта, хотя и на прежних комендантов, за исключением разве Орловского, жаловаться не приходится. Но Орловский комендант едва ли в состоянии был что-либо сделать или предпринять на пользу Институту ввиду полного переполнения Орловки воинскими обозами и панически бежавшей через этот поселок разнообразной публики.

Погрузившись в два классных вагона с добавлением третьего багажного, Институт вечером 7 марта выехал из Полтавки и утром 8го благополучно прибыл в Троицк. К вечеру того же дня он переехал в женский монастырь, где ему и суждено было остаться до дня обратного возвращения в Оренбург. Про удобства, с которыми разместился здесь Институт, говорить не приходится. Спасибо и за то, что ему не пришлось ютиться в разных частях города, по разным квартирам. Более сложным, а иногда

трудноразрешимым, как и во время пути, оказался вопрос о надлежащем питании воспитанниц при отсутствии особой кухни и необходимости поэтому принаравливаться к монастырскому режиму, иногда очень суровому. Достаточно сказать, что в некоторые дни воспитанницы сидели без чаю, а мясное ели только украдкой, «из-под полы», чтобы понять, что с питанием не всегда было благополучно. И обиднее всего было то, что некоторые классные дамы, а с ними и воспитанницы, совершенно не считались с положением дела, требуя себе всего того, чем они пользовались в Оренбурге, и во всем, конечно, обвиняя институтское начальство.

Здесь же, в монастыре, невзирая на полное отсутствие каких бы то ни было удобств для учебных занятий, последние были организованы уже с 20 марта и правильно продолжались все время при полном отсутствии учебников, учебных пособий и классных принадлежностей. К счастью, воспитанницы с радостью принялись за занятия, чему много способствовал новый состав преподавателей, дружно и с любовью принявшийся за дело, почему можно думать, что учебный год для эвакуированных воспитанниц не пропадет, а будет закончен, хотя с[о] значительными проблемами, вполне благополучно.

Первые две-три недели в г.[ороде] Троицке прошли для Института очень беспокойно ввиду неустойчивого положения на фронте и сильного продвижения большевиков вперед. Ежедневные, ежечасные и чуть ли не ежеминутные требования воспитанниц, возбуждаемых классными дамами, о дальнейшей их отправке в Иркутск, доставили Начальнице и Директору очень и очень много неприятных и тяжелых минут. Дело доходило до прямого обвинения последних в злом умысле, чуть ли не с целью предательства, в особенности, когда из Кустаная спешно эвакуировался через г.[ород] Троицк один из кадетских корпусов.

Но... все благополучно миновало и те же самые воспитанницы, которые больше всех волновались, стали выражать искреннее удовольствие по поводу несостоявшейся поездки в Сибирь. Даже предполагавшаяся поездка на Яушевскую дачу, в которой многие видели простую ловушку, перестала их пугать, и только мысль о возможности скорого отъезда в Оренбург отодвинула эту дачу на задний план.

В заключение нелишним будет присовокупить, что продолжительное совместное путешествие, чуждое официально показного строя учебного заведения, обнаружило разные стороны институтской жизни, которые в стенах учебного заведения едва ли скоро могли быть усмотрены и надлежащим образом поняты. Многое делалось в силу институтских традиций, а многое свидетельствовало о несомненном влиянии извне.

Во всяком случае, положение новых людей, каковы Начальница и Директор, было не из легких, и каждый шаг их комментировался далеко не в благожелательном смысле. По приезде в Оренбург необходимо будет для

пользы дела произвести значительные изменения в воспитательском персонале, стоящем далеко не на высоте своего назначения, иначе все благие намерения лиц, принявших на себя ответственность за направление учебно-воспитательного дела, будут всегда встречать если не явное, то тайное противодействие, а при таких условиях работать на пользу учебного заведения будет совершенно невозможно.

Комментарии

- 1 Казачье предместье Оренбурга.
- 2 Конечная станция железной дороги перед городом Орск.
- 3 Конечная станция, от которой начиналась железная дорога на Троицк и Челябинск.
- 4 1 пуд 8 фунтов примерно соответствуют 19 кг 650 гр.
- 5 Далее зачеркнуто: на их квартирах.
- 6 409 гр.
- 7 1,4 метра.
- 8 Речь идет о 4-й Оренбургской казачьей дивизии, однако 32-й Оренбургский казачий полк в ее состав не входил.
- 9 Ошибка в документе. Правильно — 15 марта.